

ЗАГАДКА ОЗЕРА КАРА-НОР

Рассказ Василия Яна

Рисунки худ. Б. Шварг.

ОТ РЕДАКЦИИ

Урянхаем раньше называлась плодородная долина в верховьях Енисея, замкнутая с севера Саянскими горами, с юга — хребтом Таннуола, за которым начинается Монголия. Теперь Урянхай является независимой Народной Республикой Танна-Тува. Население республики — около 100 000 человек, из них большая часть танна-тувинцы, иначе называемые „сойоты“, или „урянхи“, и около 18000 русских переселенцев. Танна-тувинцы — тюркского происхождения, говорят на языке, близком киргизскому и татарскому. Они носят одежду, заимствованную у монголов, и китайские косы, при чем до Революции

были в религиозном подчинении у невежественных буддистских монахов-лам, совершенно не заботившихся о просвещении народа. Коренные реформы при новом строе должны вызвать быстрый расцвет юной республики.

Нижеследующий рассказ написан автором со слов партизан, вернувшихся из Монголии после боя с белыми на Улясутайской дороге в 1921 году. Желательно, чтобы лица, бывавшие в том районе, помогли разгадать описанное в рассказе странное явление и выяснить, имеет ли оно под собой какую-нибудь реальную почву.

I. У партизанского костра.

Под деревьями на берегу Енисея горело несколько костров. Вспышки красного пламени озарили обветренные лица, желтые полушубки, шапки с наушниками. Блестки играли на темных дулах ружей. Партизаны пили баданный чай, пересмеивались, чинили сбрую и одежду. В нескольких шагах от костров было уже темно. Там стремительно неслась бурная и мрачная река.

— Эй, гвозди! — хриплый голос покрыл шум разговоров. — Укладывайся на боковую. Парома, видно, не дожидаться. Завтра чуть свет начнем плавить коней.

— Ладно, Турков, дай уздечку справлю. Коли она не выдюжит — коня потеряю.

Из-под лохматой папахи торчал непослушный белокурый завиток. Молодое лицо Кадошникова склонилось над сырмятными ремнями. Ловко работало шило, всучивалась дратва.

Рядом с ним на черном изогнутом корне корявого тополя сидела синяя монгольская шуба. На широкой груди, расшитой черным плюсом, распласталась рыжая борода. В голубых глазах прыгали искры костра. Заскорюзлая пятерня доставала из розового ситцевого мешка сухарные крошки, сыпала в деревянную миску, поливая мутным чаем из прокоптелого жестяного чайника. Огонь костра и тихая ночь располагали к мечтательности.

— Ядреная страна наш Урянхай! — говорил, расчесывая пальцами бороду, Колесников. — Сколько землицы и какого только зверя здесь нет. Какая птица! А рыбы всякой в Енисее сколько хошь.

— Только достань сперва ее, — буркнул мрачно парень, не отрываясь от уздечки.

— И достану! Все крестьянин могит достать, надо только, чтобы смекалка была в черепушке.

— А вот достань рыбу из нашего озера Джагатай¹⁾, если рыба-то сверху вниз ушла.

— Поглубже невод спустить, дно зачерпнуть...

— А если у нашего озера дна нет?

— Дна нет? А на чем вода держится?

— У нашего озера подземный ход под хребтом Таннуолой к другому озеру, что в Монголии. Говорят урянхи, что рыба кочует из того озера в это и назад. Буря подымется, воду всколыхнет, рыба к берегу всплывает, мы ее тогда неводами и подтягиваем. А дна у озера нет, сколько ни спускали мы бечеву с камнем, никак не достает, и кто-то в роде как перетирает бечеву. В роде как зубом.

— Это ты, паря, брешешь. Кто же это бечеву будет в озере перетирать? Поди, цепляется за дно.

Кадошников помял ремни в руках, потянул их, зацепив ногой в мягком бродне, и взглянул на рыжего:

— А ты не слыхал про черного гада, что сидит в Монгольском озере?

Колесников закатил глаза к небу, показав белки, и помотал головой.

— Это, поди, тоже брехня.

— Спроси Хаджимукова. Своими зенками он видел. Вот он... Эй, Хаджимуков!

У соседнего костра стоял высокий партизан, весь зашитый в бараньи шкуры. За спиной болталась винтовка с подогнутой сошкой.

— А ежели он видел, почему не притащил на аркане? Крестьянин все должен использовать. Коли увидел черного гада, взял бы его живьем и послал в Москву. Пусть видят, какие звери в Урянхайском краю водятся.

— Такого подлого гада в Москве кормить бы не стали. Перетопить его на сало, красноармейцам сапоги мазать.

Хаджимуков подошел; глаза раскосы, скулы выдаются, борода жесткая, что из конской гривы — татарин.

— Что, брат, Кадка рябая? В дорогу ехать, так шорничаешь?

— Коня мне Турков такого монгольца дал, что узда сразу надвое. А завтра его надо через Енисей переплавить.

— Поди, утопишь... Чего меня кликал?

— Садись, Хаджимука. Колесников не верит, что ты гада видел, говорит: «брешет косоглазый».

— Я-то не видел? А это что? — и Хаджимуков сунул к носу Колесникова нагайку. К деревянной ручке был прикреплен четырехгранный ремень толщиной в палец.

Колесников взял нагайку, пощупал ремень пальцами, попробовал на зуб. Кадошников тоже впился глазами и ткнул ремень шилом.

— Это от какого же зверя будет? Неужто от гада?

— Сказал — от гада! Это только от сосунка евоного. А с самого гада шкуры не снять, если и всех урянхайских шорников сгломонить.

— А и врешь ты! Все вы, абаканские татары, путаники, — рассердился Колесников.

— Садись, садись! Не сердчай! Расскажи толком, — Кадошников схватил за полу владельца диковинной нагайки из кожи гада. — Садись, на, кури! — он сунул ему кисет с табаком.

Хаджимуков, чувствуя, что достаточно убедил партизан, сел к костру и набил табаком длинную самодельную трубку из кизилового сучка.

II. За Монгольский хребет.

— Помните, прошлым летом, когда отряд Бакича наступал из Монголии, прискакал, вот как и сейчас, гонец от Туркова и взгомонил всех партизан собираться на белобандитов. «Торопитесь, — говорит. — А то перевалит он хребет, бои пойдут на наших хлебах, поселки сожгут. Какая нам корысть! Надо их ухватить, пока они в Монголии, по дороге к нам наступают». Мы, конечно, на коней, у кого коня не было, отобрали у старожилков — и марш-маршем под хребет. Дальше дорога на Улясутай²⁾ торная, поди, каждый из нас туда пробирался. Командиром избрали Кочетова³⁾. Он не повел по прямой дороге. «Это, — говорит, — зря сунемся им в лоб. Рас-

²⁾ Улясутай — первый город на пути в Монголии, в 500 километрах от границы.

³⁾ Кочетов — начальник урянхайских партизан, из крестьян.

¹⁾ Озеро Джагатай находится на юге Урянхая.

шибемся об их пулеметы». А повел он наших парней по-за сопками, сойотскими тропами. Главная сила пошла слева от дороги, а нас, человек с десятком, Кочетов послал справа, пошарить по сопкам, не злоумышляет ли Бакич ту же обходную уловку. Вот тут-то и начался наш переплет.

Наш десяток ехал не скопом, а разбился по тропам. Мне с Бабкиным Васькой пришлось переваливать через гору Сары-яш. Сперва мы ехали по ущельям, между отрогами, что чащей поросли. Потом стали подниматься голым таскылом ¹⁾. Там дорога стала итти бомами ²⁾ по-над обрывами. Внизу сажень ³⁾ на десять поблескивает ручей. А кругом него болота, мшанники, буреломом завалено — самое медвежье место. Переезжать через такие ручьи — самое последнее дело: лошади вязнут по брюхо. Мы и подались кверху, к вершинам, где пошли кедрачи. А троп много, потому зверья уйма, всюду видны следы. То вдавилась медвежья треугольная пятка, то кусты объедены — лось проходил, то мелькнет между деревьями желтый бок маралухи.

Повременить бы там, мы бы без охоты не вернулись. Но нам не до того — общество послало, мы все торопим коней, вздымаемся в гору и наконец видим монгольское «обо»: камней много навалено кучей, хворост сверху, и цветные тряпочки понавешаны на ветках. Это монголы и сойоты, как дойдут до самой вершины хребта, камень на «обо» подкидывают — подарок тому ихнему богу, что гору стережет.

¹⁾ Таскыл — скалистая, безлесная вершина горы.

²⁾ Бомы — карнизы.

³⁾ Сажень (старая русская мера длины) — около 2,13 метра.

Мы обрадовались, что добрались до перевала. Сошли с коней, табачок раскуриваем, а Шарик мой лай поднял в кустах. Увязался Шарик со мной от самого дома. Как видит, что винтовку беру, ничем его не удержишь. Я с ним всегда белковать ходил. Лаёт Шарик, заливается. Думаю: будь ты неладен! Кто там в кустах хоронится?

Хаджимуков сел к костру..

Только подумал, выходят из кустов три сойота. Два бедных, шубы на них рваные, винтовки самодельные, кремневые на вилках. А один похозяйственнее, шуба крыта синей талембой ⁴⁾ и обшита бархатом, на голове шапка с плисовыми отворотами. А винтовка в руках настоящая аглицкая. Мы ничего, честь-честью поздоровкались:

— Мен-ду!

— Мен-ду!

⁴⁾ Талемба — китайская дешевая материя вроде ситца.

Угостили их табаком. Сели они рядом, посмотрели мы ихнюю аглицкую винтовку, а они наши. Объяснили сперва, что охотятся на горных козлов — дзеренов, а потом признались, что ихний начальник — «нойон» — послал этот перевал сторожить — пойдут ли на Урянхай белые или кто другой — и донести.

Мы им тут набрехали, что нас дже много, что за нами сотни три партизан подтягиваются, и просим растолковать нам дальше дорогу. Тут они нам все и выложили.

— На Монгольской стороне, — говорят, — за хребтом Таннуолой идут щеки, глубокие да узкие, с трясиным дном, где конь наверняка утопнет. Потому надо итти по хребтинам. Из этих щек сбегает ручьи в большую речку Тэс, вьется она, как уж между скалами, и вливается в большое озеро — Упса-нор. Вокруг озера собралось много монголов с баранами, быками и верблюдами. Пришли и урянхи. Там и аулы их, где они помаленьку хлеб подсевают: просо, ячмень, а также арбузы и мак для курева. Не доходя Упсы-нора, повыше к хребтам, тоже есть озера, но помельче. Раньше около тех озер монголы и урянхи стояли, но только все враз оттуда разбежались...

— А почему, — спрашиваю я, — разбежались?

— А потому, — говорят сойоты, — что там в одном озере большой гад завелся, никто его убить не может: уж больно гад хитер, умнее человека. Все из воды видит, высматривает, а на берег не лезет. Если бараны или телята пойдут на водопой, гад схватит за ногу или за морду и утащит под воду. А озеро называется Кара-нор — Черное озеро, и дна в нем нет, трубой уходит неведомо куда под хребет.

Тут мы с Бабкиным переглянулись и подмигиваем. Васька и говорит:

— Вот бы, паря, нам к этой Карьейноре попасть и гада взять на мушку.

Я тоже говорю, что медведей я без счету бивал, рысей, лосей, марала, а про гада водяного никто у нас и не слышал. То-то будет разговор по всему Урянхаю и Абаканской степи ¹⁾, что мы

гада подшибли. Тогда сразу собьем славу нашим охотникам — Турову, и Нагибину, и самому Цедрику ²⁾.

Распросили мы еще сойотов, как до Кара-нора добраться, отдали они нам от доброго сердца окорок козла, на огне подкопченный, и тронулись мы с Бабкиным дальше. Тут нас взяло сомнение: зачем сойоты сидели на перевале, не подсланы ли белыми следить за тропами. Бабкин и говорит:

— Меня не то беспокоит, а не посылают ли они нас нароком на Карьюнору, потому что там, может, этот самый отряд Бакича засел. Оттого-то монголы во все стороны и разбежались, потому Бакич самый гад и есть, а на озере никакого гада нет.

Все же мы решили ехать на озеро Кара-нор, — у сойот тоже, поди, совесть человеческая, к тому же ребята артельные, козлятины нам дали по-хорошему.

III. Озеро, от которого все убегают.

Дня через два мы озеро нашли. Как урянхи говорили: длинное, километров на восемь, в начале узкое, а по сере-

кающая к Урянхаю. Населяют ее абаканские татары, из которых многие переселились в Урянхай.

²⁾ Известные урянхайские охотники.

Только подумал — выходит из-за кустов три сойота...

¹⁾ Абаканская степь — западная часть Минусинского уезда, Енисейской губернии, примы-

дине шириной километра на два. На высоких берегах—осина, березняк и кусты. Один край берега чистый, засыпан мелкой галькой, хорошо с него скотину поить. Мы еще издалека, как его завидели, коней за горой в лощинке к деревьям привязали, меж кустами хоронимся, ползем, скрадываем, как зверя.

Тихо на озере. Малость рябит от ветерка. Вода черная, блестящая, что смола. Шарика на ремне держу, и он чего-то смекает, уши насторожил, не рвется, а глядит вперед и носом поводит—дух, что ли, какой чует. Подобрались ближе. Никого, все тихо. Утки пролетели над озером, снизились, да будто ихшибануло, опять поднялись и дальше перелетели. Сели, головки подняли, вертят по сторонам. Видно, что-то их тревожит.

Бабкин меня подталкивает: гляди, значит, в оба, чего-то на озере есть! А чего—не видать. Мы на высоком берегу лежим в кустах, а озеро под нами, как в миске. Кругом сопки, на них листвяк, рябина, елки. А в монгольскую сторону сопки снижаются и далеко, километров за двадцать, опять высокие хребты с таскылами. Те горы Кукэй прозываются, высоченные, и на них снег под солнцем блестит.

Тут мы видим, будто кто-то в малинике на том берегу ширеперится. Ветки шатаются, а кто—не понять. Бурый бок виден—то ли медведь, то ли бык. Я бы его снял в два счета, да не к чему было раньше времени тревогу подымать. Потом кусты затихли, видно зверь отошел подальше.

Пождали мы маленько, поползли вдоль берега. Видим—поляна, мелким щепнем и кругляком усыпана. За ней откос, на нем сосны и под деревьями избенка, низкая, вся в землю ушла, только крыша высунулась, из бревен связанная. Окошечко в четверть, чтобы зверь не влез, а винтовку оттуда высунуть.

Смотрим: не выйдет ли кто? И вот из избы вылезает на-кукорках баба в синей монгольской рубахе. Дверь видно тоже махонькая, в шубе и не пролезть. Вскочила она, в одной руке туесок берестяной, а в другой топор. Слустилась по откосу, побежала к ручью, зачерпнула туеском и бегом назад, кругом оглядывается. Вползла опять на-кукорках в сруб и дверкой хлопнула.

Бабкин мне шепчет на ухо, сам позеленел и глазами косит:

— Верно, здесь медведи табунами ходят, коли баба так в избе прячется и по воду с топором ходит. Кабы зверь наших коней не задрал. Давай шить с этого места!

— А ты, что ли, медведей не видал?—говорю.—Сами, кажись, своей охотой сюда зашли. А коли баба здесь, значит и мужик имеется—без него одна баба жить побоится.

Повременили малость, поползли дальше, стали петлять, задумали избенку обойти и к тому месту выйти, где в кустах зверь ширеперился. Большой круг мы дали и вышли опять к озеру. Тихое, гладкое, ничего на нем не приметно. Залегли в кустах, малину и белую смородину подъедаем. Глядим: человек спускается между валунов, и совсем голый. Спекло его на монгольском солнце, так что бурый стал, как аржаной каравай. А волосы на голове стоят копной, что у туранского ¹⁾ попа, и борода в ломах до пояса. Совсем одичал человек. На плече тащит пеструю кабаргу ²⁾ удавленную. Подошел близко к воде, поднял высоко кабаргу, покликнул: «менду, менду» и бросил в воду. Тут по озеру волна пошла, точно большая рыба стаей пронеслась.

В это время около нас выскочили две здоровые собаки, шерсть в клочьях, и напустились на нас. Хрипят, давятся, а подойти боятся.

IV. Одичавший старатель.

Голый человек насторожился и бросился бегом к нам... В руке у него, видим, топор-колун на длинной рукоятке. Я встаю и иду открыто к нему, чего мне бояться: у нас винтовки, а у него топор. А он как увидел меня, взбелевился и начал крыть почем зря:

— Чего вы сюда пришли, острожники?! Здесь места меченные, застолбованные.

¹⁾ Туран—большой поселок в северной части Урянхая.

²⁾ Кабарга—маленькая пестрая газель; представляет ценность благодаря так называемой «струе» (особая железа), покупаемой китайцами для изготовления лекарств. Кабарга крайне пуглива, и ловится обычно петлями и силками.

Монгольские управители мне документ дали. Убирайтесь отсюда, а то я на вас

моих гадов спущу, они вам глотки перегрызут.

Под деревянными избушками, совсем в землю ушла...

Смотрю я на него, дивлюсь, а он прыгает на камне, топором машет, кричит, слова сказать не дает. Вся морда шерстью заросла, только серые гляделки словно проколоть хотят. И думаю я: где я рыжую башку раньше видел. Говорю ему:

— Карлушка Миллер, немецкая душа, не ты ли это? Как сюда попал?

Остановился он меня честить, разглядывает, а все поднятый топор держит.

— А ты кто такой? И откуда меня знаешь? А я тебе не Карлушка, а Карл Федорыч Миллер.

— Неужто забыл, Карлушка Федоровна, как мы с тобой на речке Подпорожной ¹⁾ золотишко мыли и ничего не намыли, а последнее, что имели, проели?

— Теперь я вас припоминаю, камрад Хаджимуков. Мы в самом деле на Подпорожной золото мыли, и даже, как че-

стный человек скажу, что я вам остался должен за полфунта пороха и сто пистонов. Только если вы пришли долг спрашивать, так пороха здесь ближе, как в Улясутае, не достать. А если хотите золотишком промышлять, так милости просим — откатывайте на другие озера, а здесь все позанято, и я никого не пущу.

— Полно дурака валять, Карлушка! Мы к тебе с доброй душой пришли, никакого мне долга не надо. Ты только расскажи толком, какие здесь кругом люди живут, показываются ли белые и далеко ли монголы?

— Ничего я ни про кого не знаю, — говорит. — Я человеконенавистник. Живу один вместе с солнцем, лесом и озером, и очень рад, что не встречаю ни одной человеческой рожи. Люди всегда меня обманывали. Как только найду я где золотую жилу, налетят все, как галки, меня оттеснят, нажиться им поскорее надо. Оттого я и ушел от них в дикие места. До свиданья!

— Постой, Карлушка, — говорю, — ведь мы с тобой приятели были, калачи вместе ломали. И хотя ты гостей принять не хочешь, а все же мы против тебя ничего не имеем и вертаем назад. Только ты скажи нам последнее слово: правда ли, что в этом озере гад живет и баранов за морду таскает?

— Здесь обитает животное, очень древнее, в других местах его больше нет, иштызаврус называется. Других людей и зверей, это верно, он хватает, а мы с ним дружны. Если бы не он, куда бы народу прикочевало сколько, и меня бы отсюда опять вытеснили. А я этого гада подкармливаю и через два дня в третий приношу ему кабаргу или другую дохлятину. Для того я в тайге засеки ²⁾ навалил и петли в проходах повесил. Вот и сегодня я ему козу подбросил.

— Значит, — говорю, — коли ты это животное кормить не будешь, оно тебя съест?

²⁾ В глухой тайге охотники устраивают заборы из наваленных деревьев, оставляя узкие проходы, где вешаются петли. Засеки тянутся иногда до 2—3 километров, перегораживая путь зверю. Охотничьими законами засеки запрещаются.

¹⁾ Подпорожная — приток верхнего Енисея в Урянхае, около больших порогов.

— И вас съест, камрад Хаджимуков, если вы в озере купаться вздумаете. Я очень извиняюсь, что больше не могу разговаривать с вами, потому я чело-веконенавистник...

— Не крути, Карлушка, не всех же ты ненавидишь. Там, в срубе, не твою ли жену мы видели, монголку?

— Как вы могли подглядывать в чужой дом?! Фу! как вам не стыдно! Больше я с вами не разговариваю. До свиданья. Смотрите: если только вы будете близко подходить к моему дому, я буду стрелять картечью. — Кликнул Карлушка своих собак и побежал в кусты, волоса по ветру треплется. Овчарки кинулись за ним, и все стихло...

Колесников ударил ладонями по коленям, прервал рассказ Хаджимукова:

— Дивные дела! Чего только не бывает! А ведь я Карлушку хорошо знаю. Далеко же он от нас подался. Я его давно заприметил, еще когда он на Усу на Золотой речке золото мыл. Чудной был немец, в роде у него ум за разум зацепился. В круглой соломенной шляпе ходил, сам ее из камыша сплел. Ученый был человек, — гимназию, говорит, в Риге кончил, латынские слова знал и занятно рассказывал про всякие камни, зверей и звезды. Слух ходил, будто он на родине тещу убил самоваром, — очень она ему досаждала, что в семейные дела мешалась. Его на каторгу сослали, и он с другими острожниками был на постройке Усинской дороги ¹⁾. Оттуда через тайгу к нам в Урянхай прибежал спасаться. Все хвалились, что найдет главную золотую жилу, с которой золотой песок смывается. Возле него и жались разные старатели, думали от него поживиться. А теперь, поди ж

¹⁾ Большая шоссезная дорога от Минусинска в Урянхай, построенная действительно «каторжным трудом» каторжников, проложивших ее в вековой тайге через Саякский хребет.

ты, в Монголии, у Карьей норы объявился! Не иначе как там золотую жилу раскопал... Ну, Хаджимука, валяй дальше! Что еще с вами было?..

V. Глаз в воде.

— Поговорили мы это с Бабкиным, — продолжал Хаджимуков, — чего же дальше делать? Озеро как озеро, ничего в нем не видать. Купаться в озеро пойти — боязно. Может, и впрямь в нем гад ползает и в воду стащит. Пошли мы малость дальше берегом и увидели около воды большие камни-кругляки. Тут мы осмелели и спустили лайку, чтобы кругом пошарила. Шарик встряхнулся, завертел рыжей метелкой и забегал по берегу, камни обнюхивает. Потом прыгнул к самой воде и стал лаять.

— Зря спустили его, — ворчит Бабкин.

Стали мы подзывать к себе Шарика, но тот заливается, твякает как на лисью нору, лезет в воду, а шерсть вздыбилась, и зубы оскалил.

Вдруг выбросилась из воды лошадиная морда с острыми щучьими зубами, вытянулась кверху на зеленой гусяной шее, изогнулась да как схватит Шарика за спину. Взлетел Шарик на воздух, трепыхнул лапами, взвизгнул в

«Убирайтесь отсюда, а то я на вас своих гадов спущу!» — крикнул голый человек...

последний раз и шлепнулся в воду. Покатились во все стороны светлые круги, а Шарика мы больше так и не видели.

Посмотрели мы с Бабкиным друг на дружку.

— Что же это такое?—говорю.

— Самый этот гад и был. Чего зевал? Надо было палить. Теперь твоему Шарикау каюк! Уйдем-ка отсюда подбру-поздорову.

— Нет,—отвечаю,—шалишь! Партизан, да чтобы гада испугался? Не может этого быть: Колчака мы свалили, Унгерна колотим, Бакича ловим,—нет, так я не уйду! Давай-ка приляжем за камень.

Положили мы винты перед собой и стали следить за озером. А солнце уже спускалось на елки, скоро и заворачивать надо.

И замечаю я на воде глаз—большой, темный, навывкате, как у вола. Лежит глаз на темной воде и смотрит на меня сторожко так да умно. Потом серое веко затянуло глаз, он опять открылся, прищурился и передвинулся поближе.

— Гляди, черная точка на воде,—шепчу я Бабкину.

— Где, где?—всполошился он.

Стал я наводить винтовку на глаз, а Бабкин уже заметил и шепчет:

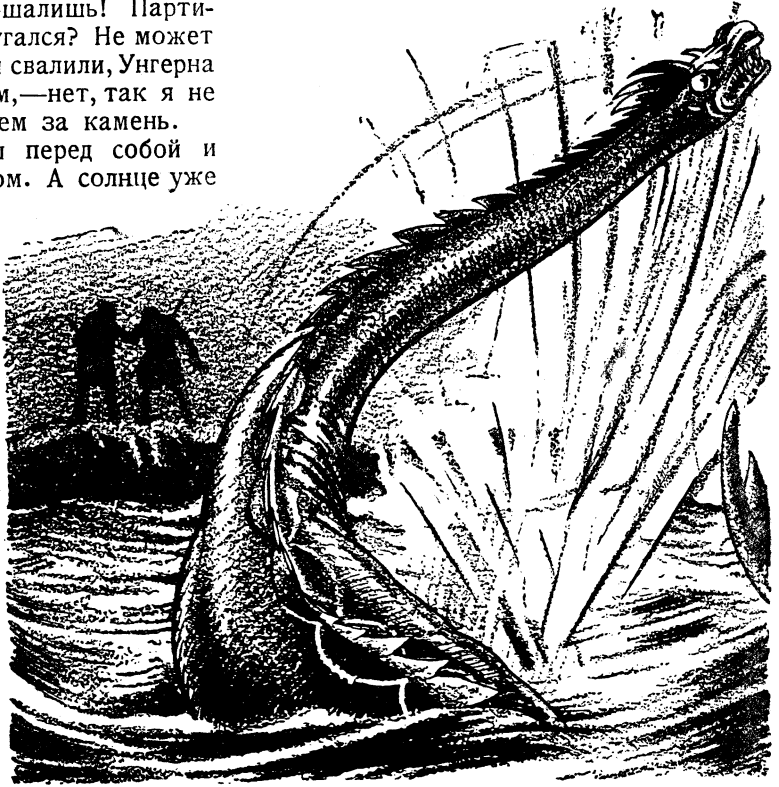
— Постой, мы ему другую штучку покажем...

Отцепил он с пояса гранату, наставил ее и спустился ниже к воде. Тихо, чтобы не вспугнуть, поднял гранату и бросил ее в темный глаз.

Граната на тихом озере взорвалась, точно чебулдахнулось на нас самое небо. Гром пошел, и во всех горах застучало. Вода забурлила, выкинулись зеленые лапы, захлопали, пену взбивают. Круглое брюхо, пегое с бурыми подпалинами, выпучилось над водой, перевернулось. Показалась злобная морда, нос

разодран, весь в крови, на макушке петуший зеленый гребень. Колесом покотился гад по озеру, волны будоражит, длинный зубчатый хвост подбрасывает. Потом скрылся под воду, еще раз показался, хлестнул хвостом и нырнул в последний раз.

— А если в озере еще такие звери остались?—говорит Бабкин.—И он по-

Граната на тихом озере взорвалась, точно чебулдахнулось на нас самое небо...

плыл звать себе на подмогу? Давай-ка сматываться отсюда к лешему.

Думаю: время к вечеру, пока доберемся до лошадей—совсем стемнеет. Быстро пошли знакомой дорогой. Кони на своем месте. Развели огонь. Ночью спалось тревожно. С озера шел какой-то рев. То ли гад кричал, то ли Карлушка по своему дружке панихиду служил, али медведь ревел,—кто разберет, что в тайге слышится...

Хаджимуков замолчал, набивая трубку табаком. Партизаны наблюдали за ним, ожидая продолжения рассказа.

— Ну, и дальше что?—спросил Колесников.

— Мы к озеру больше не вертались. Проехали кружным путем к реке Тэсу, встретили там юрты монголов. Они нам поведали все, что знали про белых, и я с Бабкиным через несколько дней стрелой на Улясутайском тракте. Ребята ехали уже с песнями, — они навалились врасплох на белобандитов, когда те стояли лагерем, и не снилось им, что с сопок и сбоку и сзади начнется стрельба. Посадили они на автомобили своих барынь—и ходу назад, в Монголию. Все, кто мог—и на конях и пешие бежали, побросав лагерь. Большую добычу мы забрали: и палатки, и оружие, пулеметы, серебро...

Кадошников, прищуря недоверчивые глаза, прервал Хаджимукова:

— Это мы знаем, слышали, да и многие сами участвовали. А вот что мне сумлительно. Ты вот сказывал, что плетка твоя из сосунка гадова. Где ж ты ее подобрал?

— Где? Мне Карлушка ее подарил. Утром ведь он разыскал нас на другой день—нюх у него стал звериный. «От лошадей,—говорит,—дух я почуял». И пришел он к нам в портках и соломен-

ной шляпе. Принес он мне эту нагайку и объясняет: «За порох и пистоны, что я должен остался, я вам, камрад, такую плетку дарю, какой во всех Европах ни у кого нет. У этого иштызавруса сосунок был, молоком его кормился. Подохо он, и к берегу его ветром прибило. Я из шкуры его ремней накроил, петель наделал, чтобы в засеках кабаргу ловить. Так матка все приплывала и сосунка носом тычет и мычит,—думала, что очнется. А потом волки мясо объели, одни кости остались. Я с того места подальше перебрался и тот сруб сложил, где вы мою супругу-монголку видели»...

Последние огни облизывали раскаленные вишневыми угли. Черная ночь все затягивала своей бархатной полой. Партизаны подбросили в костер хворосту и стали укладываться. Становилось холодно, и в оранжевом свете вспыхнувших сучьев было видно, как нагольные полушубки и приклады ружей покрылись матовым налетом серебристого инея.

Колесников бормотал:

— И чего только немцу с голодухи не придет на ум. Сперва обезьяну выдумал, а теперь, поди ты, с гадом подружился. Не зря говорят: немец без уловки и с лавки не свалится!..

